

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ДРАГОЦЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ В МУЗЕЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В 1920–1930-Е ГОДЫ

В начале XX в. Оружейная палата Московского Кремля воспринималась современниками как «фамильный» музей династии Романовых¹. В условиях глобальных перемен и пересмотра всей системы ценностей после революционных событий 1917 г. такая трактовка кремлевского собрания могла привести к весьма плачевным последствиям, вплоть до его полной утраты. Специфика фондов Музеев Кремля всегда определялась тем, что их основу составляла исторически сложившаяся царская и императорская сокровищница. Высокий статус кремлевских хранилищ и многовековые традиции собирания в них драгоценных предметов объясняют причины, по которым широкое применение ювелирных техник, использование драгоценных камней и металлов характерно для самых разных типов произведений прикладного искусства, собранных в Кремле (от ювелирных украшений, оружия, орденов до конской упряжи, драгоценных тканей и так далее). Подавляющее большинство экспонатов музея можно было бы рассматривать как предметы роскоши. К началу 1920-х гг., в условиях формирования молодого и во многом нуждающегося государства, музейным специалистам необходимо было сформулировать иное, соответствующее духу времени, представление о кремлевской сокровищнице, понятное и приемлемое для нового строя.

Положение кремлевского музея в первые послереволюционные годы было крайне бедственным. При этом культурные ценности, сосредоточенные здесь к 1917 г., в сложные революционные дни удалось сохранить в полной мере². Лишь в марте 1919 г. начал формироваться новый немногочисленный штат музея: хранителем, а позднее заведующим музея был назначен М.С. Сергеев³ — искусствовед, бывший сотрудник Румянцевского музея, член Комиссии по приему на государственное хранение ценностей соборов и монастырей Кремля.

До начала 1920-х гг. основной задачей музейных сотрудников было сохранить в крайне непростых условиях собранные в музее государственные ценности. Часть залов Оружейной палаты стала недоступна посетителям еще во время Первой мировой войны из-за размещения в них ящиков с предметами, вывезенными из Петербурга и западных дворцов. Позднее в музей в значительном количестве доставлялись ценности, собираемые по всей стране комиссиями Гохрана. Первые посетители Оружейной палаты в советское время могли осматривать лишь некоторые залы — Оружейный, Портретный, Каретный, а также экспонаты, представленные на лестнице и в вестибюле. Размещение экспонатов в основном осталось неизменным с довоенного времени⁴. Официально музеи Кремля были закрыты для посетителей до мая 1924 г., однако в действительности допускалось посещение музея различными специализированными группами⁵ (ил. 1). В 1921 г. впервые в истории музея была установлена входная плата: три тысячи рублей для

одиночных посетителей и две тысячи рублей с каждого посетителя в составе организованных «образовательных» групп по двадцать пять человек⁶. Правила нахождения посетителей в залах музея очень строго регламентировались, при этом состав групп был весьма специфичен: делегаты съездов, курсанты кремлевских пулеметных курсов, группы Школы ВЦИК и Комендатуры Кремля. Также любопытен факт массового «предоставления осмотра Оружейной палаты делегатами, прибывшими на похороны» В.И. Ленина⁷.

Революционные события, кроме принципиального политического и экономического переустройства государства, привнесли огромный творческий импульс во все сферы деятельности. В Оружейной палате, несмотря на невероятно сложные условия существования музея, обретение творческой свободы выразилось в создании уже в 1920 г. двух выставок — древних тканей и эмалей. Как коллекции эти комплексы памятников были выделены из общего собрания и представлены впервые, что имело огромное научное значение. Собрание древних тканей Оружейной палаты, например, не имело аналогов в мире, в то же время, до 1920 г. оно никогда не изучалось и не демонстрировалось в систематизированном виде. Ранее одежды и предметы обихода царей и высшего духовенства входили в состав комплексов придворного церемониала или мемориальных памятников. Кроме этого, собрание Оружейной палаты после революции пополнилось уцелевшими после ограбления 1918 г. вещами из Патриаршей ризницы, среди которых было значительное число редких и драгоценных тканей, памятников древнерусского шитья и низания, а также аналогичными произведениями, национализированными в ризницах церквей и монастырей. В результате в музее сложилось «богатейшее и можно сказать единственное по важности и ценности для науки собрание памятников художественного шитья и низания и древних тканей»⁸.

В июле 1919 г. в Оружейной палате был создан особый отдел, занимавшийся изучением и представлением этого древнего мастерства. Первоначально сотрудники отдела выделили весь комплекс произведений и провели систематизацию коллекции. Ее целью было отразить «веки и грани в историческом движении и развитии этого художественного мастерства», а также «высокий уровень художественного вкуса и развития древнерусской женщины»⁹. Незнание темы, крайне ограниченный состав служащих отдела и отсутствие необходимых научных пособий существенно осложняли работу по атрибуции памятников.

Первая «показательная» выставка в ряду запланированных периодически сменяемых экспозиций художественных тканей была организована уже летом 1920 г. Она представляла особенности этого вида искусства в XVIII в., выделяя основные техники шитья того времени: по карте высоким швом, синелью, аппликационное шитье, шитье золотой и серебряной битью, низание жемчугом, бисером, стеклярусом и так далее. На выставке также демонстрировались «модные ткани» того времени — русского производства, а также западные и восточные. Светские вещи и культовые предметы были представлены комплексно, без акцента на их практическом назначении.

Кроме памятников из фондов Оружейной палаты, на выставке были произведения, временно (до 1923–1924 гг.) предоставленные другими музеями

1. Экскурсия для красноармейцев по экспозиции Оружейной палаты.
Фотография. 1919. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

и учреждениями — Национальным музейным фондом (девять предметов), ризницей Троице-Сергиевой лавры (сорок шесть предметов), ризницей Вифанского монастыря Московской губернии (двадцать шесть предметов), Историческим музеем (сорок четыре предмета)¹⁰.

В мае 1920 г. Оружейная палата начала принимать экспонаты для организации еще одной выставки — художественной эмали. На ней экспонировались произведения из фондов Исторического музея (четыре предмета, возвращены в июне 1922 г.), из ризницы Благовещенского собора Московского Кремля (двенадцать предметов)¹¹, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (один предмет)¹². В актах, подтверждающих передачу предметов в музей, кратко указывались особенности сохранности памятников и наличия драгоценных камней и металлов. Выдача музейных предметов производилась на основании Отношения Отдела по делам музеев Главнауки Наркомпроса. В связи с организацией выставки к октябрю 1921 г. была подготовлена и опубликована брошюра «Эмаль в собрании Оружейной палаты»¹³.

Новые выставочные экспозиции размещались в нижнем этаже Оружейной палаты и просуществовали довольно долго, до 1922—1923 гг. Однако сотрудники музея все-таки отмечали, что, к сожалению, не удалось реализовать научно-образовательный и воспитательный потенциал этих выставок в полной мере из-за «малой доступности Кремля». Кроме того, «загруженность» музея

ящиками не позволила «в должной мере ни развернуть, ни показать» экспозиции¹⁴. При всем значении и достоинствах выставок их организация принесла и «свою долю вреда». На волне энтузиазма, вызванного возможностью создания новых научных экспозиций, коллекция серебра — «эта величайшая ценность Палаты» — была довольно поспешно свернута, прежнее расположение предметов зафиксировано не было, что впоследствии создало дополнительные сложности в атрибуции предметов¹⁵.

Лишь в октябре 1920 г. начался постепенный вывоз имущества Дворцового ведомства, эвакуированного перед Первой мировой войной в Оружейную палату (начиная с Эрмитажа и Русского музея)¹⁶. Работа по его проверке и передаче велась круглосуточно. В январе 1922 г. начался разбор ценностей, свезенных в палату в послереволюционный период. Условия работы без преувеличения надо признать экстремальными — здания не отапливались¹⁷, температура воздуха была около пяти градусов мороза, из-за чего постоянно замерзали чернила, в день разбиралось по несколько сотен предметов «от первейших в мире, до самых грошовых, определяя бесповоротно их судьбу и значение в несколько мгновений». Эта работа осложнялась «удручающим гнетом крайне резких притязаний Гохрана», представители которого «не считались с культурными задачами науки, искусства... безоглядно требуя обезличения и скорейшего использования драгоценного металла и камней», что приводило к постоянным и острым спорам и столкновениям¹⁸.

Для Музеев Кремля переломным стал 1922 г. К весне ситуация стала настолько сложной, что, по мнению директора Д.Д. Иванова¹⁹, достаточно было одного толчка для его окончательного разрушения и распада, как это случилось с Музеем бывшего Строгановского училища. Однако единым решением всего персонала Оружейной палаты стало «принятие крайних мер» для его спасения. В это время в музее работало восемнадцать человек. В октябре того же года сотрудниками музея было разработано «Положение о Государственном музее декоративного искусства Московского Кремля»²⁰, определившее его концептуальную основу. Оружейная палата и ее филиалы были признаны «музеем высших достижений декоративного искусства, построенном на производственном начале с распределением собрания по материалам, технике и производственным мастерским»²¹.

«Положение» так и не было официально утверждено вышестоящими организациями, но на практике стало действующим уставным документом музея на несколько лет. Его отличает взвешенный, научный подход к задачам музея, продуманность и политическая нейтральность. Кремлевский музей определялся как «научно-просветительское учреждение центрального типа», состоящее в ведении Наркомпроса. Он объединил коллекции и помещения Оружейной палаты, бывших Апартаментов их высочеств, Дома бояр Романовых на Варварке, кремлевских соборов и церквей (с храмом Василия Блаженного), Большого Кремлевского и Теремного дворцов.

Основной задачей музея было признано «систематическое выявление процесса развития декоративного искусства на всем протяжении истории России и во всех отраслях производства, путем сосредоточения, хранения, изучения

и экспозиции в научном освещении памятников наиболее высоких достижений декоративного мастерства»²². Для достижения этой цели в разных разделах музея предполагались разные методы экспонирования. Оружейная палата должна была представлять памятники в научной системе, по материалам и производствам, в то время как Кремлевский дворец и соборы — «среди обстановки и условий их жизненного применения». За основу разделения собрания Оружейной палаты на «разряды» был взят производственный принцип, с систематизацией памятников по материалам, из которых они были сделаны. Были сформированы четыре «разряда» — искусства вооружения и воинского снаряжения; искусства металла и твердых материалов; искусства ткани и мягких материалов; применения декоративного искусства в жизни.

В соответствии с этими принципами началась интенсивная работа по новой систематизации коллекций и созданию принципиально новых экспозиций. Избранный производственный принцип по существу был и закономерным результатом развития источниковедения и других вспомогательных исторических наук, и проявлением интересов новой государственной идеологии, поставившей во главу угла внимание к человеку-мастеру, производителю ценностей.

Экспозиция Оружейной палаты начала перестраиваться в первую очередь²³. К лету 1923 г. было завершено устройство нижнего этажа музея, весной и летом 1924 г. — верхнего этажа и бывших Апартаментов²⁴. Проекта единой для всего музея экспозиции не было. Постепенно в залах формировались отдельные тематические комплексы, которые в большинстве случаев назывались выставками. Появление их определялось характером и количеством памятников в фондах музея. В то же время все эти экспозиции объединял единый «производственный» принцип подачи материала: произведения делились по основному материалу, из которого выполнены, и по способам его обработки, при соблюдении общей хронологии развития ремесла.

К весне 1923 г. Отдел твердых металлов разработал и разместил экспозиции в Серебряном зале (предметы из драгоценного металла) и Среднем зале верхнего этажа (предметы из кости, камня и так далее). В Оружейном зале была подготовлена экспозиция части коллекции оружия. Экспозиция Отдела церковного серебра располагалась в бывшем Портретном зале нижнего этажа.

В рамках действующих экспозиций в целях выявления «законов и достижений» художественного творчества предполагалось устройство особых временных выставок, посвященных узким научным темам. Примером такого успешного опыта сотрудники Оружейной палаты считали практику Британского музея. В кремлевском музее эти планы уже в 1923 г. выразились в создании особых экспозиций по истории и эволюции формы церковной чаши, а также по истории серебряных клейм в России²⁵.

Осуществление всех этих работ проходило в условиях прежнего доступа посетителей. В это время музей посетил ряд специалистов, проводились экскурсии для делегатов XII съезда РКП(б) и депутатов Собора «Живой церкви», не менее двадцати раз устраивались осмотры с объяснениями предметов для кремлевских курсантов²⁶ и так далее.

В 1923 г. был издан первый путеводитель по новой экспозиции, подготовленный В.А. Никольским²⁷. Посетители Оружейной палаты, превратившейся, по мнению автора этого издания, из «мертвого музея-кладовой» в центральный музей декоративного искусства, начинали осмотр с коллекции оружия. В экспозиции было представлено и старинное иностранное оружие, и предметы русского вооружения. Часть предметов экспонировалась на манекенах. Особое внимание уделялось уникальным памятникам и творчеству выдающихся мастеров оружейного дела. Обособленно была представлена «постоянная выставка» произведений мастерских Оружейной палаты, — «как итог деятельности этой древнерусской академии»²⁸. Такое решение соответствовало главной задаче музея — демонстрации отечественных достижений в декоративном искусстве и художественном производстве.

Далее посетители попадали в «центр» музея, о котором «особенно дорогой для всякого музея посетитель-простец» уносит наиболее яркие впечатления — в отдел драгоценностей. Одна часть Золотого зала представляла парадные царские одеяния (шапки, державы, скипетры, парадное оружие) и троны. Драгоценный комплекс предметов Большого наряда царя Михаила Федоровича экспонировался на бархате настольников из старых фондов музея. Такое вынужденное решение было признано «успешным» в условиях «полного отсутствия других подходящих тканей» и из-за «новой и не художественной работы»²⁹ самих настольников. В другой части зала было представлено собрание столовой посуды и других предметов обихода царей и знати. Отдельный комплекс знакомил с историей «гражданского» ювелирного искусства XIII–XIX вв. Обособленную группу составляли драгоценные предметы церковного предназначения. Все это в целом должно было дать «полную возможность изучения хода развития декоративного искусства и техники в самых разнообразных отраслях искусства обработки металла»³⁰.

Посольские дары были сгруппированы по странам, их приславшим. Отдельные экспозиции представляли произведения из кости, а также собрание экипажей, дополненное немногочисленной коллекцией мебели. Ткани и костюмы были разделены на две основные группы — церковного и гражданского назначения. В залах дворцовых Апартаментов, примыкающих к палате, были выставлены коллекции гобеленов, мебели, бронзы и фарфора XVIII–XIX вв.

Созданная экспозиция в дальнейшем практически непрерывно совершенствовалась, изменялась, дополнялась. Значительные преобразования во многих залах были осуществлены в 1925 г. В это время усиливается «производственный» уклон в отношении музеев. Требование живой связи учреждений культуры с производством привели к созданию на базе музеев производственных отделов и мастерских. В их задачи входило установление тесных связей с профильными институтами и производственными центрами, а в итоге следовало достичь «повышения художественно-промышленного уровня во всей среде производителей»³¹. В 1925 г. в такой мастерской Оружейной палаты была организована экспозиция «показательно-производственного собрания предметов, представляющих различные виды материалов, инструментов, техники и производства»³². В состав этого комплекса, наравне с целыми произведениями, вошли фрагменты и обломки памятников. Были представлены также

природные материалы (кристаллы, коллекция уральских камней и другое) и специальные экспонаты, демонстрирующие промежуточные этапы производства (например, три медные дощечки последовательно представляли технику изготовления лиможской расписной эмали). Повышенное внимание к образовательным возможностям музейных экспозиций и к представлению в них истории развития промышленного дизайна стали характерной чертой того времени.

Деятельность кремлевских музеев в 1920-е г. отличалась большим вниманием к изучению теории экспозиции, разработке принципов подачи материала и их научного обоснования, анализу восприятия экспозиции посетителями. Уже при создании первых послереволюционных экспозиций особое внимание во всех отделах уделялось взаимодействию отдельных памятников друг с другом внутри локальных комплексов. Сотрудники справедливо отмечали, что «даже небольшая неловкость экспозиции может очень легко загубить декоративное действие предмета»³³. Принципиальным было и решение о том, что в угоду научному разделению коллекций по материалам не должно быть жесткого разделения предметов разных родов декоративного искусства, близких и взаимодополняющих эстетические и художественные достоинства друг друга. Предметы, выполненные в другой технике, могут и должны вводиться в ограниченном количестве в качестве вспомогательного материала для сопровождения основной коллекции. Это положение было принято за основу при выработке концепции Объединенного музея декоративного искусства и принципов распределения коллекций между его филиалами³⁴.

Большое внимание уделялось художественному оформлению экспозиции. По мнению музейных сотрудников, она должна была выявлять художественную сторону коллекций так, чтобы выставленные предметы «сохраняли вложенную в них мастерами декоративную красоту и не подвергались мумификации в музейных гробах и темницах», что происходит в случае применения только «научного, строго педантического» подхода. После того как материал приведен в логическую систему, дальнейшая задача музея — «всеми силами стремиться к красоте экспозиции». Именно с этой целью в оформлении коллекции серебра была использована драпировка, а предметы выставлялись не на рядах полок, а уступами, «как это применялось в то время, когда создавались эти художественные произведения»³⁵.

Инициатором введения такого нового экспозиционного приема, как показ произведений на ткани, стал В.А. Никольский. Для драпировок внутри витрин использовались ткани из комнат Апартаментов, снятые со стен и окон. Желание подчеркнуть преимущества новой экспозиции перед старой привело к решению восстановить в прежнем виде шкаф с коллекцией гамбургского серебра. В нем не было ни драпировок, ни осмысленной компоновки предметов друг с другом, была очевидна неравномерность заполнения витрин (пустоты и чрезмерная густота в разных местах), не были скрыты от глаз крепежные полки и сетки.

Изменение экспозиций, поиск новых приемов показа памятников преследовали цель достичь такой демонстрации, при которой их значение воспринималось бы зрителем «как можно полнее, и как можно точнее, и как можно легче»³⁶. Вопросам психологии восприятия памятников посетителями стало уделяться особое внимание. При этом справедливо отмечалось взаимное влияние расположенных

рядом предметов. Задачей экспозиционеров было создание таких комплексов, в которых соседствующие предметы способствовали бы правильному восприятию каждого из них, а не мешали этому. Для успешного достижения цели, по мнению директора Оружейной палаты Д.Д. Иванова, необходима была работа в двух направлениях. Первым из них было основательное изучение предметов и их назначения, а также «глубокое проникновение в замысел мастера». Вторым направлением должно было стать исследование «самого феномена восприятия через зрительское впечатление, уточнение осложняющих это восприятие ассоциаций и рефлексов»³⁷.

Многое из задуманного удалось воплотить. В отчете Оружейной палаты за 1926 г. указывалось, что ряд «высоко выдающихся специалистов» из-за рубежа высказал весьма лестные и даже восторженные отзывы об экспозиции музея. Приемы показа материала они признали «и новыми, и удачными». При этом особо отмечалось, что все-таки экспозицию еще нельзя считать устоявшейся, «в нее непрестанно вводятся изменения в целях извлечения максимально наилучших результатов»³⁸.

Общую картину весьма портил «тот жалкий инвалидный инвентарь», которым располагал музей. Осенью 1926 г. ученый совет признал оборудование в целом неудовлетворительным — «изношенность и устарелость» достигли 75%. Витрины, созданные преимущественно еще в середине XIX в., перестали отвечать главному требованию — предохранение музейных предметов от порчи. В то же время их однотипность не соответствовала новым задачам экспозиции и вела «к понижению качества собрания и выявляемого им разнообразия декоративного творчества в производстве». Стоимость даже одной современной зарубежной специализированной витрины (3–5 тысяч рублей³⁹) превосходила средства, отпускаемые музеем на подобные расходы. В 1924/1925 гг., например, на хозяйственные расходы музей получил 3 269 рублей, на строительные — 1 100 рублей. В связи с этим ученый совет принял решение о «переделке витрин и шкафов... домашними средствами», по мере возможности, и постепенной замене всего оборудования. Это решение и его реализация на практике вызвали новую волну преобразований. Размещение экспозиций в новых витринах не было механическим повторением старых комплексов, в ходе работ проводилась заново систематизация собрания и экспозиции «по техническим и производственным признакам» в целях «осуществления главной задачи музея — его связи с производством»⁴⁰.

Путеводитель по Музею декоративного искусства (Оружейной палате), изданный в 1926 г. в составе единого путеводителя «Художественные собрания Москвы»⁴¹, зафиксировал основные черты экспозиции, сложившейся к этому времени. В начале этой публикации вкратце приведена история появления «одного из древнейших русских музеев». Особо отмечено, что «революция коренным образом изменила весь состав и программу музея», позволив в настоящее время избавиться от «банальных вещей» дворцового обихода и выдвинуть на первый план «действительно замечательные художественные произведения». Оружейная палата существенно обогатилась великолепными произведениями искусства из бывшей Патриаршей и других монастырских и церковных ризниц, где «они вековали в неизвестности в течение многих лет». В путеводителе также прямо указывалось на то, что «стихийный рост музея еще далеко не закончен»

2. Экспозиция западноевропейского оружия в Оружейной палате.
Фотография. 1932. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

и что уже в ближайшем будущем данное описание может оказаться «несоответствующим фактическому состоянию».

По традиции осмотр экспозиции предлагалось начинать со второго этажа. Поднимаясь по лестнице, посетители могли видеть некоторые военные трофеи (в том числе и Полтавской битвы 1709 г.), которые как «не обладающие особым художественным значением» утратили для музея декоративного искусства прежнее значение и, соответственно, место в основных залах. Первые залы — Бронный и Оружейный — во много сохраняли прежний состав предметов. Изменилась лишь расстановка некоторых акцентов и интерпретация произведений. Изделия русских, западноевропейских и восточных оружейников рассматривались сквозь призму сопоставления развития ратного дела в разных регионах, выявления особенностей вооружения, его технических характеристик и декора (ил. 2). «Особо выдающиеся» по своей художественной отделке шлемы были размещены на отдельных тумбах в Бронном зале. Две витрины в конце Оружейного зала демонстрировали «наиболее роскошные образцы декоративно-оружейного дела», объединив лучшие предметы из вооружения именитых бояр Ф.И. Мстиславского, В.В. Голицына и царя Михаила Федоровича, выполненные как русскими, так и восточными мастерами. Особая, средняя

3. Зал с произведениями, демонстрирующими художественно-декоративную обработку разных материалов, в Оружейной палате. Фотография. Вторая половина 1920-х гг. (Из набора открыток: Москва, Кремль. Государственная Оружейная палата. М., 1935. Серия 3)

витрина была по-прежнему посвящена изделиям мастерских Оружейной палаты, с привлечением внимания к именам мастеров.

Следующий, третий, зал к 1926 г. был изменен коренным образом и представлял собой экспозицию, знакомящую посетителей «с художественно-декоративной обработкой различных материалов», в основном на примере «привозных» предметов (ил. 3). В этом небольшом зале в нескольких витринах экспонировались изделия, демонстрирующие разнообразные техники. Здесь находились предметы, выполненные в техниках финифти, скани, расписной эмали (русской и восточной работы, отдельная витрина была отведена для произведений XIII–XV вв. из Лиможа), инкрустации перламутром по дереву, резьбы по камню (китайской, восточной и западноевропейской работы). Резьбу по кости в едином комплексе представляли огромный орел (подарок японского императора в 1896 г.), костяной трон и более мелкие предметы немецкой и французской работы. В отдельных витринах были представлены кубки-наутилусы, кубки из резных кокосовых орехов и янтаря, «иноземное и русское стекло». Особый шкаф был посвящен «фарфору наиболее раннего происхождения» — китайской сулее царевича Ивана, чаше «на курьезной подставке из ветки

коралла» и образцам «первого фарфора русского изготовления».

Серебряный зал, как и раньше, демонстрировал огромное, уникальное собрание серебра, по преимуществу, «столовой утвари», накапливавшейся при дворе русских царей. Немецкое серебро традиционно было собрано «по местам производства» — по городам. Отдельными комплексами были представлены английские, французские, итальянские (в том числе и Мальтийская корона) и восточные произведения. У первого столба отдельная витрина объединила «наиболее замечательные по древности предметы», с Шапкой Мономаха в центре, окруженной корсунскими каменными крестиками в золотых оправках, предметами из Рязанскогоклада и византийскими вещами. В этом же зале вдоль одной стены располагались витрины с замечательными произведениями русских мастеров, преимущественно из кремлевских мастерских, а также предметы церковного обихода.

На нижнем этаже в первом большом зале располагалась выставка старинных привозных тканей допетровского времени. Они были представлены по технике производства — золотные бархаты, атласы, итальянские аксамиты, различные шелковые ткани. Второй зал демонстрировал памятники XVIII в., среди которых — коронационные платья русских императриц, гардероб Петра II и две куклы в орденских костюмах. Здесь же размещались тронные кресла и мебель из золоченого дерева, портреты XVIII в. и гобелены русской работы. Традиционным осталось размещение конюшенной казны и парадных экипажей в последнем, Каретном зале. Слева от входа вдоль стены этого зала были размещены также «некоторые историко-бытовые предметы» — постель и сапоги Петра I, походные кровати Александра I и Наполеона и другие.

Несмотря на существенные изменения в концепции музея и в интерпретации его фондов, к середине 1920-х гг. часть залов сохранила свои традиционные названия, общую тематику и многие принципы систематизации материала. К счастью, в составе новой экспозиции удалось сберечь ряд мемориальных предметов, издревле хранившихся в Оружейной палате, но не вполне соответствовавших новому представлению о ней как о музее декоративного искусства. В то же время перестали существовать самостоятельные экспозиционные комплексы по таким «знаковым» темам дореволюционного периода, как государ-

4. Двойной трон и государственный меч в экспозиции Оружейной палаты. Фотография. Вторая половина 1920-х гг. (Из набора открыток: Москва, Кремль. Государственная Оружейная палата. М., 1935. Серия 3)

5. Каретный зал Оружейной палаты. Фотография.
Вторая половина 1920-х гг. (Из набора открыток: Москва, Кремль.
Государственная Оружейная палата. М., 1935. Серия 3)

ственные регалии и предметы парадного придворного церемониала (ил. 4–6). Вместо них появились совершенно новые экспозиции, в которых наиболее ярко были воплощены основы «производственного принципа».

Новые поступления экспонатов в музей, как правило, не оформлялись в экспозиции каким-то особым образом, а постепенно вливались в уже существующие комплексы. В ряде случаев, однако, получила развитие практика создания небольших тематических выставок в рамках общей экспозиции. Так, например, в 1926/1927 гг. были организованы такие выставки бронзы, переданной из закрывшегося Музея мебели, гобеленов, а также пасхальных подарков семье Романовых, переданных из Валютного фонда в 1927 г.⁴²

В конце 1927 г. в Наркомпрос был представлен новый проект «Положения о кремлевских музеях»⁴³. В нем статус музея по-прежнему определялся как «научно-исследовательское и просветительское учреждение». Однако в документе отразились и первые тенденции подмены изначального смысла и функций музея, в соответствии с текущими идеологическими и политическими запросами власти. Так, в частности, из трех целей музейной работы лишь последнюю можно в полной мере считать соответствующей специфике музея как учреждения культуры: «Давать... достаточно полный и четкий материал для основательного ознакомления с возникновением и развитием декоративного искусства». Поставленную же на первое место цель — «подъем художественного качества

6. Конский парадный убор конца XVIII века в экспозиции Оружейной палаты. Фотография. Вторая половина 1920-х гг. (Из набора открыток: Москва, Кремль. Государственная Оружейная палата. М., 1935. Серия 3)

в производстве страны» — можно лишь весьма условно отнести к музейным. Довольно опосредованным являлся и «общий подъем жизни трудящихся масс СССР» силами музея (определено как его вторая цель).

В конце 1920-х гг. в экспозиции музея все сильнее стали отражаться требования политической и идеологической пропаганды, принимавшие порой, с точки зрения современного исследователя, довольно абсурдные формы. Так, например, для «широкого использования музея в целях агитации» в Оружейной палате пропагандировалась идея популяризации обороны. Предметы древней брони и вооружения были признаны «весьма подходящими точками отправления» для этого: старинные доспехи представлялись как повод «подчеркнуть значение тренировки и роль спорта», а экспозиция рыцарских шлемов была дополнена современными противогазами. Далее на примере старинных художественных экипажей раскрывалась тема усовершенствования путей сообщения, которая приводила «к выявлению всего значения организации тыла и подвоза в интересах обороны». Заметно сместились акценты и в представлении различных техник. Например, демонстрация золоченой бронзы стала сопровождаться указанием «на страшный вред для здоровья от испарений ртути», а произведений шитья — рассказом о «порче глаз от рукоделий»⁴⁴.

В ряде случаев смена политических установок для музеев шла настолько быстро, что не удавалось реализовать намеченное. В соответствии с задачами,

поставленными перед музеем, планировалось выявить в экспозиции «долю участия отдельных нацменьшинств в разных родах художественного производства»⁴⁵. В конце 1928 г. директор Оружейной палаты докладывал в Главнауку Наркомпроса, что «работа по нацмен едва начата». Однако вскоре установка по этому вопросу принципиально изменилась. Уже в мае 1929 г. в директивах музейного строительства, распространенных методологическим бюро Главнауки, указывалось, что разбивка экспонатов по национальностям «неприемлема», наравне с «культом личности и эстетизмом»⁴⁶.

Новой задачей музейной экспозиции с 1928/1929 гг. стало выявление классовой сущности искусства, раскрытие «социально-экономической обусловленности каждого явления и его классового содержания». Музею следовало «четко выявлять прежде всего экономику, на ее основе класс и классовую психологию... в итоге давая познание исторического процесса и демонстрируя законы развития общества». Эта цель, по мнению музейных специалистов, определяла работу в двух направлениях. Одним из них являлось специальное размещение музейных предметов «по классовой принадлежности», причем «развеска по стилям» считалась допустимой лишь «в качестве опыта». Второй составляющей должно было стать включение в экспозицию соответствующего дополнительного и иллюстративного материала, «выверенного» содержания этикетажа и так далее⁴⁷.

В отчете о проделанной работе за 1930 г. директор музея С.И. Монахтин отмечал, что «проведение общей линии» по смене экспозиции в залах Оружейной палаты на основе диалектического материализма выразилось в «проработке отдельных тем»⁴⁸. Отдел шитья и ткани на материалах своих фондов развернул экспозицию по «диалектике развития царской и патриаршей роскоши в XVI–XVII вв. на основе показа одежд, личных украшений и выезда», то есть предметов, обеспечивающих «моменты официального показа царей и патриархов перед народом». В экспозиции отдела русского серебра «опыт диалектического материализма» нашел свое выражение в формировании тем «Эволюция накопления богатства в руках московского царя и высшего духовенства» и «Использование рабского труда рабочих сил в царских мастерских». В ближайшем будущем в отделе привозного серебра планировалось создать экспозицию на тему «Дары иностранных посольств и торговых компаний московскому царю как иллюстрация борьбы за русский рынок». Однако намеченные планы не были реализованы до конца. В 1930 г. были получены новые директивы, приведшие к новой, теперь уже комплексной, реорганизации экспозиции.

В 1920-е гг. задачи идеологической и политической пропаганды, ставившиеся перед музеями, в основном еще соотносились с реальным содержанием музейных фондов. В этот период довольно четко прослеживается активизация выставочной деятельности в связи с празднованием юбилеев — 200-летия Академии наук в 1925 г. и годовщин Октябрьской революции (особенно 10-летия Октября в 1927 г.). Следует отметить, что тематика выставок, приуроченных к этим юбилеям, не была непосредственно с ними связана, а соответствовала общему профилю учреждений. Объявление выставки «приуроченной» к торжествам позволяло музеям получать целевое финансирование. Текущих средств редко хватало на организацию выставок.

Условия работы кремлевских музеев в 1920-е гг. не располагали к активному развитию выставочной деятельности. Первоочередной задачей музейного комплекса была разработка и организация новой экспозиции в Оружейной палате, а также создание экспозиций в других помещениях, переданных музею. Масштабные работы в этом направлении позволяли реализовать научный и творческий потенциал коллектива. Замена общей экспозиции Оружейной палаты системой временных и часто изменяемых коллекционных экспозиций, превращение всего музея в экспериментальную экспозиционную площадку позволяли решать основные научно-просветительские задачи, традиционно реализуемые с помощью организации внутримузейных тематических выставок.

Ограниченность доступа посетителей в Кремль отчасти также снимала актуальность создания на его территории краткосрочных выставок — откликов на текущие события. Тем не менее сотрудники музея подготовили ряд тематических выставок. В 1926 г. Оружейная палата открыла выставку «реставрации и консервации железных памятников своего музея»⁴⁹. Ее организаторы отмечали, что вопросы реставрации металлических музейных предметов как наиболее трудно сохраняемых вызывают большой интерес. Неотложность задачи сохранения памятников привела к созданию в музеях Ленинграда и Москвы небольших мастерских-лабораторий. Однако они не имели возможности обмена опытом. Предполагалось, что организация такой выставки улучшит общую ситуацию. В экспозиции для большей наглядности очищенные и неочищенные предметы были представлены рядом. Выставка сопровождалась листовкой, автором которой был известный художник-реставратор Ф.Я. Мишуков, поясняющей цели и задачи экспозиции, а также содержащей краткое описание технического процесса очистки металла. Усиление «производственного» уклона в музеях привело к появлению в 1926 г. небольшой «Показательно-производственной выставки по ознакомлению с материалами и техниками»⁵⁰, а в 1927 г. — производственной выставки в отделе ткани⁵¹.

Однако основной выставочной площадкой кремлевских музеев стал Дом боярина XVII в., где в 1925 г. начала действовать «Выставка подделок и воспроизведений старины», со временем пополнявшаяся и расширявшаяся⁵². В 1927 г. «ввиду недостаточной доступности Кремля»⁵³ было принято важное решение об устройстве в этом филиале Оружейной палаты серии краткосрочных тематических выставок. Господство производственного принципа в музеях определило их тематику: в первую очередь намечались выставки по производству булата, черни, эмали и скани, «ввиду особого интереса, вызываемого этими высококачественными техниками, способствующими в особенно значительной мере удорожанию фабриката в зависимости от качественного признака»⁵⁴. Отсутствие обширных помещений в Доме боярина по необходимости определяло очень небольшие размеры выставок. Тем не менее музейные специалисты считали, что эти экспозиции будут представлять значительный интерес по качеству предметов, их подбору, наличию точных документальных данных о них и «о производственных экономических и художественных условиях их выработки».

Первым опытом в декабре 1927 г. стала двухнедельная «Выставка четырнадцати образцов использования приемов графики и красочности в художественной обработке металла русскими мастерами XVI–XVII вв.». Столь краткий срок работы выставки был вызван жесткими требованиями Комендатуры Кремля. Девять произведений из собрания Оружейной палаты должны были продемонстрировать семь «приемов графики»: «фигурный строгий стиль, фигурный свободный стиль, фигурный лубочный стиль, смешанный фигурно-орнаментальный стиль с фигурными изображениями на фоне графического орнамента чернью, стиль орнаментальной графики и стиль буквенного орнамента». Еще пять экспонатов демонстрировали пять «приемов красочности»: блестящей колористической гаммы (с применением прозрачных эмалей с сильным блеском), жемчужной гаммы (горошчатая эмаль со сканью), изразцовой гаммы (белые фоны со значительной долей светло-желтой эмали), лубочной гаммы, тусклой маслянистой гаммы (покрытие металла красками холодным способом)⁵⁵.

К концу 1927 г. была разработана следующая выставка — образцы оружия и булата (восемнадцать предметов из Оружейной палаты, авторы проекта В.В. Никольский, В.В. Арндт и А.В. Сибелев), продолжительность которой планировалось увеличить до одного месяца. Во время работы выставки предполагалось установить связь с техниками-производственниками. Однако при реализации намеченного возникли серьезные осложнения. В верхнем этаже Дома боярина, отведенного под такие выставки, не удалось создать необходимое утепление помещений. Больше время требовалось для того, чтобы получить ряд предусмотренных проектом экспонатов из других учреждений. Кроме того, Комендатура по-прежнему настаивала на возвращении в Оружейную палату всех выдаваемых экспонатов не позднее, чем через две недели. В связи с этим было принято решение отложить организацию выставки до наступления более теплого времени, ориентировочно — до 1 марта. За это время предполагалось решить все проблемы, а также рассмотреть вопрос об организации таких выставок в угловой комнате Музея фарфора, также являвшегося филиалом Оружейной палаты⁵⁶.

В конце 1928 г. ученый совет музея рассматривал проект выставки эмали⁵⁷ в Доме боярина XVII в., подготовленный Ф.Я. Мишуковым и В.Т. Бароновой. Устройство выставки было признано крайне желательным, но доказательств того, что она состоялась, обнаружить не удалось. Планы 1929 и 1930 гг. предусматривали использование второй комнаты верхнего этажа под выставки «на темы, связанные с общим содержанием музея»⁵⁸.

Выставочная деятельность музеев Кремля предусматривала и участие их экспонатов в различных тематических выставках, проводимых другими музеями. В 1925 г. в связи с празднованием 200-летия Российской академии наук Оружейная палата приняла «посильное участие» в выставках других учреждений, предоставив из своих фондов «экспонаты исключительной ценности и значения». В июле 1925 г. в Русский музей на выставку «Русский быт первой четверти XVIII в.» был отправлен погребец Петра Великого «с двумя жестяными штофами, с оловянными пробками и тремя штофами зеленого стекла»⁵⁹, в августе на юбилейную выставку в Третьяковской галерее представили два

портрета «кисти Каравакки» и один портрет работы Ф.С. Рокотова⁶⁰, в начале сентября был показан медный глобус М.В. Ломоносова с универсальными часами и деревянной тумбой под него на Выставке изданий Академии наук в Публичной библиотеке СССР им. В.И. Ленина⁶¹.

В начале 1926 г. ученый совет рассмотрел вопрос об участии знамени Пугачева, хранившегося в Оружейной палате, в посвященной этому деятелю выставке в Музее революции⁶². Хранитель отдела тканей В.К. Клейн представил экспертное заключение по этому вопросу, отметив сильные загрязнения, ветхость и прорывы холста. Кроме того, он указал на хранение знамени в кремлевском музее в свернутом виде и в чехле. Однако, по мнению В.К. Клейна, экспонирование памятника на выставке в развернутом виде и его транспортировка «едва ли вызывают опасения». Условием выдачи знамени стало требование его экспонирования в застекленной витрине⁶³. Знамя было предоставлено на выставку, а в январе 1928 г. было передано в Музей Революции СССР⁶⁴.

В сентябре 1926 г. Оружейная палата направила ходатайство в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса⁶⁵ об утверждении передачи экспонатов из Кремля на выставки «Русский быт XVII в.» и «Древние ткани XVII в.» в Историческом музее (переговоры между музеями велись еще с весны 1926 г.⁶⁶). Предметы в количестве восемнадцати — на первую выставку (в том числе и кафтан царя Алексея Михайловича) и двенадцати — на вторую были переданы по акту⁶⁷ 13 октября 1926 г. В начале 1927 г. экспозиция XVII в. в Историческом музее была обновлена. И вновь Оружейная палата предоставила из своих фондов две пищали и конский убор (узд, наголенники, решму и науз), а осенью, в добавление к тому, еще два мушкета и конский убор, а также «старопокройную» фелонь из бывшей ризницы Богоявленского монастыря и плащаницу⁶⁸. Экспонирование этих памятников в Историческом музее предполагалось в течение довольно длительного времени, до 1 июня 1928 г. В мае 1928 г. музей просил еще ряд предметов из Оружейной палаты, но в выдаче их было отказано в связи с использованием этих памятников в новой экспозиции кремлевского музея. Однако срок экспонирования ранее переданных предметов был продлен еще на год, до 1 июня 1929 г.⁶⁹

Экспонаты Оружейной палаты принимали участие в выставках — в Центральных реставрационных мастерских, где были показаны две иконы и две пелены⁷⁰ (весна 1927 г.), «Соколиная охота в XVII в.» — кафтан сокольника⁷¹ — в Государственном музее «Коломенское» (январь — октябрь 1928 г.), в выставке предметов вооружения — пять предметов⁷² — в Музее бывшего Симоновского монастыря (весна — лето 1929 г.), «Войны в искусстве» — манекен пешего рыцаря⁷³ — в Музее изобразительных искусств (1929).

В 1930-е гг. Музеи Московского Кремля переживали, пожалуй, самый драматичный период своей истории. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. были разрушены многие памятники в Кремле, началась передача музейных ценностей в Госторг⁷⁴. Усиление тоталитаризма и начало репрессий в стране привели к гибели профессионального научного коллектива музея. Музейные специалисты не могли быть безучастными наблюдателями уничтожения памятников, однако борьба была неравной. В конце 1929 г. Д.Д. Иванов вынужден был

оставить пост директора (в январе 1930 г. он покончил жизнь самоубийством). После его ухода в течение восьми лет в музее сменились четыре руководителя⁷⁵. Ни один из них не имел ни достаточного образования, ни необходимого опыта. В середине – второй половине 1930-х гг. многие научные сотрудники и реставраторы были уволены или вынуждены уйти в другие музеи. С этого времени началось катастрофическое сокращение численности штата и качественно изменился его состав. Значительные кадровые изменения отразились на работе музея самым отрицательным образом, практически лишив учреждение возможности осуществлять нормальную деятельность.

В начале 1930-х гг. музей пережил и существенные административные преобразования. В марте 1932 г. «все музейные учреждения, находящиеся в Кремле, в том числе музей Оружейная палата со всем штатом и имуществом» были переданы из подчинения Наркомпросу в ведение Ученого комитета ЦИК СССР⁷⁶. Этим же решением Секретариата ЦИК все филиалы музея, находящиеся вне Кремля, были отделены от музея и оставлены в ведении Наркомпроса.

В новом «Положении о музее “Памятники Кремля и Оружейная палата”», разработанном в 1932 г., нашло отражение усиление политических и идеологических требований: отныне он являлся научным и политико-просветительным учреждением. Основной темой музейного показа памятников должны были стать «быт, искусство и идеология правящей верхушки господствовавшего класса эпохи русского феодализма и капитализма и показ Октябрьской революции в Кремле»⁷⁷. За музеем сохранялось «право устройства передвижных выставок», при этом четко определялся их характер — «приуроченных к политическим и политико-просветительским кампаниям»⁷⁸.

Подчинение кремлевских музеев задачам в первую очередь политической и идеологической пропаганды привело к утрате их первоначальной сущности, к отрыву экспозиции от истории и специфики собрания. Директивы, полученные музеем в 1930 г., требовали новой комплексной реорганизации экспозиции Оружейной палаты⁷⁹. На этот раз систему коллекционных выставок должна была заменить единая экспозиция по истории Российского государства, представляющая материал «в марксистском освещении»⁸⁰. Намеченные разделы экспозиции уже никак не учитывали особенности фондов Оружейной палаты: «Раннефеодальный период в северо-восточной части славянской территории», «Период первоначального накопления и сословная монархия», «Рост торгового капитала и начало крепостничества», «Становление бюрократической монархии»⁸¹.

«Старая гвардия» музейных специалистов пыталась противостоять этому. По результатам производственного совещания от 27 февраля 1932 г. ими была составлена «Докладная записка об основных установках реэкспозиции Оружейной палаты»⁸², целью которой было «выяснение основных идеологических вопросов», необходимых «для выработки общей принципиальной установки» в связи с предстоящими работами. Понимая безнадежность борьбы с главными политическими требованиями, они предложили компромиссное решение, позволяющее хотя бы сохранить представление о собрании Оружейной палаты как о комплексе художественных произведений.

Отстаивая художественное значение кремлевского собрания («художественный спецификум музея, нуждающийся в доказательстве»), музейные специалисты нашли, казалось бы, ход, позволяющий политически корректно для того времени объяснить важность искусства. В качестве исходного пункта своей концепции сотрудники назвали «принцип показа материала на основе раскрытия его социальной функции», трактуемый, в соответствии с требованиями времени, как принцип показа «реальной роли» памятников «в классовой борьбе». Они подчеркивали, что произведения искусства, собранные в музее и служившие ранее «для оформления официального быта правящей верхушки русского общества», наиболее полно и ярко характеризуют «мироотношение и идеологию паразитирующего класса феодалов» на разных исторических этапах. Кроме этого, именно эти памятники являлись тем «аппаратом», с помощью которого правящий класс воздействовал на сознание масс. В связи с этим специалисты считали главной задачей экспозиции Оружейной палаты раскрыть «идеологическую, агитационную функцию придворного искусства... его объективную эксплуататорскую роль, его социальное содержание и политическое значение». На основе этого можно было бы раскрыть методы воздействия господствующего искусства на сознание разных общественных классов. Право представления в экспозиции истории развития искусства специалисты отстаивали, акцентируя внимание на отражении в нем изменения господствующего класса и его идеологии в процессе исторического развития и динамики соотношения классовых сил.

На основе этих принципиальных подходов, в противовес начавшему укрепляться в то время официальному представлению об Оружейной палате как музее «исторического», или «промежуточного», типа, сотрудники категорически настаивали на следующем: «Единственно правильным для Оружейной палаты мы считаем тип художественного музея, такого музея, в основу экспозиции которого кладется раскрытие и показ идеологии... на основе стилистического анализа предметов». При этом в записке указывалось, что «анализ стиля (как выражение его мироотношения, а не сумма признаков) подводит... к идее, лежащей в основе художественного памятника». Они подчеркивали: «для показа экономики» в кремлевских музеях «материала вовсе нет», в то время как «показ классов вне экономики не мыслим». Политическая надстройка могла быть проиллюстрирована музейными предметами несколько лучше, но тоже лишь фрагментарно, причем материалами, подобранными случайно и в недостаточном количестве. Вновь апеллируя к политическим догматам того времени, авторы докладной записки указывали, что «ошибочный взгляд (разделенный и проводимый научным руководством Оружейной палаты) связан с непониманием специфичности искусства как особой формы общественной деятельности и недооценкой политического значения искусства... как орудия классовой борьбы». Воплощение же «вульгарного “историзма” в музейной практике», сопровождаемого «иллюстративным» методом построения экспозиции, на практике приводит к обратному результату: непониманию идеи неискушенным зрителем, или даже к противоположным выводам, вплоть до «апологии самодержавия». К сожалению, итоги дискуссии оказались весьма печальными. Большинство опытных научных сотрудников было вынуждено покинуть музей, некоторые были репрессированы.

Руководство музея не остановил даже подготовленный летом 1932 г. довольно резкий отзыв Ученого комитета ЦИК «о плане реэкспозиции ГОП»⁸³, в котором отмечалось «бросающееся в глаза» несоответствие между задачами и вещами из-за «незакономерного расширения тематики». Комитет указал, что для оформления поставленных в плане задач у музея нет материала, в то время как не разворачиваются все тематические возможности имеющегося собрания.

Тем не менее, в отчетных документах за 1933 г. директор музея С.И. Мо-нахтин рапортовал о двух крупных событиях в судьбе музея за последние два года. Первым из них было изменение его характера: вместо музея декоративного искусства Оружейная палата официально стала историко-бытовым музеем⁸⁴. «Сводить значение Оружейной палаты до уровня декоративного музея», по мнению директора, означало бы «отказ от использования ее в целях политико-просветительского воспитания рабочего класса и колхозного крестьянства». Второе событие — передача в научное ведение музея кабинета В.И. Ленина — позволило включить в план музея «работы по Кремлю пролетарскому, по центру нашей Октябрьской и мировой революции».

Параллельно с реэкспозицией производилась практически полная замена витринного оборудования. Эта работа шла медленно: музей был вынужден заказывать витрины только в мастерских Гражданского отдела Комендатуры Кремля, однако мастерские были загружены другими заказами, а музейные исполнялись в последнюю очередь. С 1931 г. руководство музея прикладывало также особые усилия для электрификации Оружейной палаты (до начала 1934 г. в ней так и не было ни общего электроосвещения, ни освещения отдельных витрин). Однако финансирование работ шло с большими сложностями: в 1933 г., например, на этот проект было отпущено лишь 8 000 рублей из запланированных 18 000.

К концу 1933 г. была закончена экспозиция зала «раннего феодализма». Далее начались работы по экспозиции XVI–XVII вв. В центре работ 1935 г., например, были две темы: «Внутренняя политика» и «Внешняя политика первых Романовых». Особенно успешным был признан комплекс, освещающий влияние церкви на политику Московского государства XVII в. При этом к июню 1935 г. в музее осталось только пять научных сотрудников⁸⁵. А уже к 15 февраля 1936 г. в музее было лишь два научных сотрудника и два экскурсовода⁸⁶.

Сложные работы по изменению экспозиции производились, несмотря на крайне малочисленный штат музея и чрезвычайно малое число посетителей (при отсутствии свободного доступа в Кремль в составе особых групп в 1935 г. музеи посетило лишь 3 700 человек, такая же посещаемость — до 4 000 человек в год — планировалась и в дальнейшем, причем полностью был прекращен допуск в Кремль иностранцев, приезжающих «в экскурсионном порядке»⁸⁷). В первой половине 1936 г. были завершены работы по экспозиции оружия XVII–XVIII вв. и предметов XVIII–XIX вв., во второй — окончательно размещены сопроводительные материалы: географические и исторические карты, этикетаж (на русском и иностранных языках), выписки из документов и так далее. Создание новой экспозиции постоянно сопровождалось дополнительной работой по организации временных комплексов из-за перегруппировки памятников, оголения некоторых витрин и тому

подобного, поскольку доступ посетителей в музей прекращен не был. Работы в витринах периодически проводились «во время многолюдных экскурсий»⁸⁸.

Таким образом, вплоть до конца 1936 г. в Оружейной палате планомерно создавалась историко-экономическая экспозиция, не имеющая ничего общего с сущностью собрания. Ошибочность ее создания была официально признана в 1938—1939 гг. комиссией, работавшей в музее в связи с его передачей в ведение Комендатуры Кремля. Члены комиссии в Заключении посчитали «своим долгом» указать, что экспозиция «с научной стороны не только не соответствует тем требованиям, которые вправе предъявить советский посетитель, но... в большинстве своем бессистемна и очень устарела»⁸⁹. По их мнению, экспозицию «ни в коей мере» нельзя было считать удовлетворительной «ни с точки зрения методологии, ни с точки зрения методики показа». Отмечалось также, что такое построение экспозиции лишает экскурсовода возможности провести стройный и последовательный рассказ.

Постановлением Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. музей был передан в Управление Комендатуры Московского Кремля⁹⁰, что фактически означало потерю самостоятельности музея как учреждения культуры. Все имущество музея было передано уполномоченному комендантом Кремля лицу — Н.Н. Захарову⁹¹, назначенному директором музея с 1 марта 1939 г. Как и его предшественники, Николай Никитич не имел специального исторического образования, но, будучи человеком честным, со здравым умом и хорошей интуицией, он сумел сделать очень многое для сохранения Музеев Кремля. При нем наметились первые симптомы возвращения к нормальной музейной деятельности, были налажены контакты с ведущими специалистами. Запланированная в 1940 г. новая реэкспозиция в Оружейной палате должна была отразить специфику именно этого собрания, однако осуществлению этих планов помешала война.

Выставочная деятельность в 1930-е гг. также была полностью подчинена целям пропаганды. В отношении научно-просветительской работы была принята «общая установка — музей на службе текущей политики»⁹². Последними выставками нейтральной тематики в Кремле в 1930 г. стали: «Книги новых приобретений», «Достижения реставрационной работы Лаборатории металла»⁹³ и «Реставрация живописи»⁹⁴. В том же году Оружейная палата организовала ряд выставок, которыми «впервые сильно ответила на ряд политических моментов и заданий, в том числе колхозному движению и по антирелигиозной пропаганде»⁹⁵. Выставка «Колхозное строительство» давала представление «о землепользовании имущих классов XVII в. и о землепользовании Советской страны в настоящее время»⁹⁶. Продолжая эту линию, в следующем, 1931 г., была организована выставка «К весенней посевной кампании»⁹⁷ в филиале — Музее боярского быта XVII в. Сегодня невозможно даже предположить, какие предметы из фондов Музеев Кремля могли быть задействованы в подобных экспозициях. К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют выяснить хоть какие-то подробности.

Актуальные агитационно-пропагандистские выставки стали устраиваться в соборах Московского Кремля. После ознакомления в августе 1930 г. с Инструктивным письмом ЦК Рабпроса о формах антирелигиозной пропаганды

коллектив музея принял решение «независимо от общего... плана в каждом отделе Палаты иметь отдел экспозиции на антирелигиозную тему»⁹⁸. Главная выставка такой тематики — «Обман и невежество в религии»⁹⁹ — открылась в Архангельском соборе и была приурочена к 13-й годовщине Октября.

Дальнейшее развитие антирелигиозной пропаганды вылилось в организацию стационарных выставок. В 1931 г. в Музее боярского быта XVII в. состоялись «Антирождественская» и «Антипасхальная» выставки. В Архангельском соборе Кремля началась подготовка экспозиции «Классовая сущность веры в загробную жизнь»¹⁰⁰, в ходе организации которой был «проработан материал» в отделе Памятников Кремля, Историческом музее, Центральном антирелигиозном музее (ЦАМ), отобраны сто пятьдесят экспонатов, изготовлен этикетаж (восемнадцать больших текстовых надписей и шестьдесят номенклатурных). Выставка была полностью завершена (доработана, дополнена, утверждена ученым советом) к апрелю 1933 г.¹⁰¹ Тогда же решили заменить ее название цитатой В.И. Ленина: «Уничтожение религии как призрачного счастья народа есть требование его действительного счастья». Экспозиция охватывала огромный исторический период. Отдельные комплексы раскрывали темы: «Зарождение и развитие представлений о загробной жизни в доклассовом обществе», «Развитие анемизма в древнейшем государстве феодальной формации», «Возникновение христианства и его распространение среди состоятельных групп», «Феодально-крепостнические разновидности христианства», «Понятия греха и заслуги», «Вера в загробную жизнь как основной момент христианского вероучения», «Реакционная роль религиозной морали в капиталистическом обществе» и другие. Планы 1934 г. предусматривали устройство «постоянных антирелигиозных выставок в Крестовой и Мироваренной палате» Патриаршего дворца¹⁰².

Ряд выставок начала 1930-х гг. был направлен на «раскрытие самодержавной власти царя и его сподвижников как эксплуататоров» и демонстрацию способов порабощения масс. Одной из первых подобных экспозиций в 1930 г. стала выставка «Коронация и Ходынка»¹⁰³ в Успенском соборе. Она включала разделы: «Идеология самодержавия», «Коронование царей и политическое значение коронации», «Психологическое воздействие на массу через театральную пышность коронации», «Что стоила коронация народу», «Современное устройство государственной власти и аппарата»¹⁰⁴. В годовом отчете музея указывалось: «Значение данной выставки настолько велико, что она войдет в дальнейшем как самостоятельная часть Памятников Кремля», дополненная и расширенная¹⁰⁵.

Тем же задачам служила временная экспозиция «Быт и забавы детей правящих классов» (ил. 7), по другой версии — «Детский доспех и драгоценные игрушки как орудие классового воспитания» (1930 г., на материале основного собрания музея)¹⁰⁶, а также выставка в филиале Оружейной палаты «Дом боярина XVII века» — «Что показывали в Музее боярского быта XVII в. до Революции». Первая экспозиция ярко демонстрировала, «как правящий класс с ранних лет приучал своих детей к роскоши, накоплению богатств и развитию чувства превосходства над остальными... классами». Последняя «раскрывала обман в части экспонатов, в то время выдававшихся как подлинные»¹⁰⁷. К 8 марта 1932 г. в музее «Дом боярина XVII века»,

7. Экспозиция выставки «Быт и забавы детей правящих классов» в Оружейной палате. Фотография. 1930–1931 гг. ОРПГФ Музеев Московского Кремля

переименованного в музей «Боярского быта XVII века», была открыта выставка, посвященная проблемам тяжелого труда и положения женщины в царской России¹⁰⁸.

В условиях затрудненного доступа в Кремль и развития идеи «приближения культуры к рабочему месту загруженного трудом пролетариата и крестьянства» Музеи Кремля организовали ряд экспозиций нового типа — передвижные выставки. Тематика их сводилась к двум основным направлениям: отдельные производственные аспекты (история некоторых художественных производств, способы обработки материалов и тому подобное) или агитационные в рамках политических кампаний.

Планом 1930/1931 гг. предусматривалась организация выставок «Изделия и обработка металла (оружие, серебро)» на заводах «Серп и молот», «Буровая техника», Автомобильном московском заводе; «Текстильное производство в эпоху торгового капитала» на фабрике «Красная Роза»; «Развитие седла в России XVII–XX вв.» на шорной фабрике и «Вотчинное хозяйство в России XVII в. и положение крестьянства» в «ближайшем колхозе» (позднее была назначена подшефная деревня Большой Каменец Курской губернии)¹⁰⁹. Параллельно с экспонированием предусматривалось чтение лекций по аналогичной тематике на производстве и в колхозах. К сожалению, установить, состоялись ли они, не представляется возможным. Достоверно известно, что в 1931 г. были подго-

товлены передвижные выставки «Булат и его применение в военной технике» и «Развитие ткацкого рисунка по старинным и новым образцам»¹¹⁰. Первая экспозиция представляла тридцать семь экспонатов и сопровождалась объемными пояснительными текстами и результатами химических анализов¹¹¹. Вторая выставка включала тридцать два памятника XVI–XX вв. (из Оружейной палаты, Текстильного института, Исторического музея и фабрики «Красная Роза») и двадцать четыре иллюстративных материала, а также этикетаж (55 шт.), «поясняющий экономику и идеологию узора». Однако до декабря 1931 г. ее так и не удалось разместить на текстильном производстве «за отсутствием ширм», не была также вовремя напечатана листовка по экспозиции, несмотря на многочисленные обещания издательства¹¹².

Более удачно складывалась судьба агитационных передвижек. В 1932 г. Оружейная палата провела антипасхальную кампанию, в рамках которой была организована передвижная выставка «Пасха и Первое мая»¹¹³ (с участием экспонатов из других музеев и организаций). Выставка включала культовые предметы, размещенные на трех щитах и в двух витринах. Она экспонировалась с 16 апреля по 6 мая в Особой роте Управления Комендатуры Московского Кремля, школе ВЦИК и при открытии клуба в здании Правительства. Ее работу сопровождал цикл антирелигиозных лекций в школе ВЦИК, учебном батальоне, особой роте и специализированной охране. По специально разработанному маршруту были проведены массовые экскурсии по Кремлю всех кремлевских воинских частей и частично Гражданского отдела Управления Комендатуры. Музей охватил этой работой около пяти тысяч человек.

В том же году к 14-летию Красной Армии была организована выставка-передвижка «Красная Армия — страж мировой революции»¹¹⁴ (четыре щита экспонировались на торжественном заседании в Большом Кремлевском дворце), а к 15-летию Октября — экспозиция «Старый и новый Кремль»¹¹⁵ (шесть щитов в школе ВЦИК, с 5 ноября по 1 декабря 1932 г.). Вторая выставка сопровождалась проведением тематических экскурсий по кремлевской территории — «Кремль в Октябре».

Выдача экспонатов в другие музеи на выставки была сведена к минимуму. Исключением стало предоставление осенью 1934 г. согласно постановлению Секретариата ЦИК трех памятников — кафтана, покрывца и шитого оплечья — музею Восточных культур на юбилейную выставку, посвященную Фирдоуси¹¹⁶. Осенью 1935 г. восемь памятников — ткани и один серебряный сосуд — были отправлены в Эрмитаж на выставку иранского искусства¹¹⁷. По распоряжению коменданта Кремля в октябре 1938 г. два экспоната — альбом с чертежами и план — передали на выставку к 200-летию архитектора М.Ф. Казакова в Музее архитектуры¹¹⁸, а в 1941 г. в Исторический музей на выставку «Полководец Суворов»¹¹⁹ представили его скульптурный бюст.

Подводя итоги, можно отметить, что в 1920-е гг. экспозиционная деятельность музеев, несмотря на огромные хозяйственно-экономические и технические сложности, была весьма интенсивной. Музейным специалистам удалось найти одному из старейших музеев России достойное место в новом обществе и обеспечить сохранность его основных фондов. Непрерывно шел творческий

поиск нового представления уникального собрания. Основная экспозиция музея оказалась заменена рядом временных выставок. Однако уже к концу десятилетия условия работы музеев существенно изменились. Экспозиционная практика 1930-х гг. представляла собой печальный опыт очень вольной интерпретации музейных материалов в соответствии с требованиями идеологической пропаганды, без учета истинной сущности собрания. Следует также отметить утрату в этот период многих очень важных традиций, навыков и норм работы с музейным собранием, сформировавшихся в предшествующий более чем 100-летний период существования музея, во многом связанную с ликвидацией профессионального научного коллектива.

¹ Экскурсионный вестник. М., 1914. Кн. 1. С. 39, 43.

² Подробнее об истории Музеев Московского Кремля в 1920-х гг. см.: *Петухова А.В.* Музей в Кремле как государственное учреждение // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 14). М., 2002. С. 12–28; *Сергеева Е.Н.* Обеспечение сохранности исторических памятников Московского Кремля в первые месяцы советской власти (из истории деятельности Комиссии Моссовета) // Проблемы изучения памятников материальной и духовной культуры. М., 2001. Вып. 4. С. 81–101; *Смирнова Е.И.* Оружейная палата после Октября (1917–1923 гг.) // Куранты: историко-краеведческий альманах. М., 1983. С. 280–286; *Тугова Т.А.* Большой Кремлевский дворец в Москве: к истории организации музея в первые годы советской власти (1917–1924) // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С. 71–78; *Она же.* Оружейная палата и ее роль в сохранении сокровищ Российского императорского дома во время Первой мировой войны и после революции // Российские императоры и Оружейная палата. М., 2006. С. 229–241; *Она же.* История поступления Соловецкого собрания в Оружейную палату // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М., 2001. С. 9–42.

³ Подробнее о М.С. Сергееве см.: *Петухова А.В.* М.С. Сергеев и Оружейная палата в 1919–1922 гг. // Вестник архивиста. М., 2002. № 3 (69). С. 346–355.

⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1920 г. Д. 1. Л. 1–10.

⁵ Подробнее об организации работы с посетителями Музеев Кремля см.: *Шербина Е.В.* Музеи Московского Кремля: специфика реализации образовательного и воспитательного потенциала в XIX – первой половине XX века // Музейный просвет: Сб. статей. СПб., 2009. С. 218–245 (О 1920–1930-х гг. см. с. 231–245).

⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1921. Д. 8. Л. 9.

⁷ Там же. Оп. 1924. Д. 32. Л. 1–4.

⁸ Там же. Оп. 1920. Д. 7. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 12.

¹⁰ Там же. Л. 9, 15–16, 18, 20; Оп. 1924. Д. 21. Л. 30.

¹¹ Список экспонатов см.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1920. Д. 7. Л. 3–4. Все перечисленные в нем предметы могут быть идентифицированы: инв. № МР–3404, МР–1062, МР–3405, МР–3680 – паты с икон «Благовещение» и «Спас Вседержитель, с припадающими», Москва, первая четверть XVII в.; МР–1059/1–7 – ковчег И.А. Хворостинина, Москва, середина XVI в. – 1624 г.; МЗ–1147 – образок-мошевик «Сошествие во ад». Византия, XII–XIII вв.; МЗ–1150 – образок с изображением Спаса. Византия, XIII–XIV вв.; МР–3714 – крест напестольный. Россия, 1689; МЗ–819 – потир. Австрия, Грац, 1729 г.; МР–2712 – звезда. Москва, конец XVII в.; МР–8226 – крест напестольный. Россия, вторая половина XVII в.; КН–29/1–2 – Евангелие. Москва, 1571 г. Вклад Ивана Грозного.

¹² Там же. Л. 3, 4, 17, 19.

¹³ Там же. Оп. 1921. Д. 8. Л. 9 об.

¹⁴ Там же. Оп. 1923. Д. 2 Л. 8 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Во время Первой мировой войны в Оружейной палате находилось около двух тысяч ящиков ценностями Дворцового ведомства, Кабинета его императорского величества, Камеральной и Гоф-маршальской частей, Варшавских дворцов, а также из Капитула орденов, Конюшенного ведомства, Эрмитажа, Русского музея, Петропавловского собора и других мест.

¹⁷ Отопление здания было восстановлено только в 1923 г.

¹⁸ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1923. Д. 2. Л. 6–6 об.

¹⁹ Подробнее о Дмитрие Дмитриевиче Иванове см.: *Тугова Т.А.* Директор Оружейной палаты Д.Д. Иванов и борьба за сохранение музейных ценностей в 1922–1929 годах // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 95–111; *Она же.* Хранитель Кремля // Русский журнал. 2008, № 6. С. 112–119.

²⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1922. Д. 2. Л. 10–11.

²¹ Там же. Оп. 1923. Д. 2. Л. 9 об.

²² Там же. Оп. 1922. Д. 2. Л. 10. В первоначальном варианте «Положения» основной задачей музея названо «систематическое выявление красоты и техники декоративного искусства во всех отраслях художественного производства» (Там же. Л. 6).

²³ В эти же годы шла серьезнейшая работа Отдела памятников Кремля по музеефикации кремлевских соборов. Однако в рамках одной статьи невозможно в равной степени осветить историю всех направлений деятельности Музеев Кремля. Об истории Отдела памятников Кремля в 1920–1930-е гг. см.: *Качалова И.Я.* История отдела памятников Кремля // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 178–195; *Толстая Т.В.* Музей «Успенский собор» Московского Кремля. Страницы истории // Там же. С. 196–223; *Власова Т.Б.* Архангельский собор. Проекты экспозиционных решений и их воплощение // Там же. С. 224–229; Владимир Николаевич Иванов. Страницы биографии. К 100-летию со дня рождения. 1905–2005. М., 2005.

²⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1923. Д. 2. Л. 42, 44–44 об.

²⁵ Там же. Л. 59–59 об.

²⁶ Там же. Л. 12–13.

²⁷ *Никольский В.* Музей декоративного искусства (Оружейная палата). Пг.; М., 1923.

²⁸ Там же. С. 13.

²⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1923. Д. 2. Л. 31, 34 об.–35.

³⁰ *Никольский В.* Музей декоративного искусства (Оружейная палата). С. 20.

³¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1925. Д. 3. Л. 19 об.–20.

³² Там же. Оп. 1925. Д. 13. Л. 10–12 об.

³³ Там же. Оп. 1923. Д. 2. Л. 58 об.–59.

³⁴ Там же. Л. 59.

³⁵ Там же. Оп. 1923. Д. 2. Л. 58 об.

³⁶ Там же. Оп. 1926. Д. 7. Л. 10.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 5 об.

³⁹ На примере Художественного музея Метрополитен в Нью-Йорке или музеев Копенгагена.

⁴⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1926. Д. 2. Л. 104 об.–106.

⁴¹ Художественные музеи Москвы. Путеводитель. М., 1926. С. 83–95. Благодаря заведующего отделом нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля С.В. Зверева за указание на это издание и помощь в работе – автору данной статьи были предоставлены упомянутая публикация и набор открыток «Москва. Кремль. Государственная Оружейная палата». Гознак, 1935. Серия 3, с изображением отдельных видов экспозиции Оружейной палаты и некоторых предметов. Анализ документальных источников свидетельствует о том, что, несмотря на дату публикации (1935), для этих открыток были использованы фотографии, сделанные в музее во второй половине 1920-х гг. Эти фотографии в полной мере соответствуют описанию, данному в путеводителе 1926 г., в то время как к 1935 г. структура экспозиции Оружейной палаты была коренным образом перестроена. Часть этих открыток воспроизведена в иллюстрациях к данной статье (ил. 3–6).

⁴² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1927. Д. 7. Л. 12.

⁴³ Там же. Д. 8. Л. 1–18.

⁴⁴ Там же. Оп. 1928. Д. 10. Л. 27.

⁴⁵ Там же. Д. 2. Л. 102 об.

- ⁴⁶ Там же. Оп. 1929. Д. 4. Л. 35 об.
- ⁴⁷ Там же. л. 35 об.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1930. Д. 6. Л. 4, 12 об.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 1926. Д. 25. Л. 20–22.
- ⁵⁰ Там же. Л. 23.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1927. Д. 4. Л. 8 об.
- ⁵² Там же. Оп. 1925. Д. 3. Л. 80; Оп. 1926 г. Д. 2. Л. 27 об.; Оп. 1927. Д. 4. Л. 8, 22.
- ⁵³ Там же. Оп. 1927. Д. 4. Л. 97.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. Л. 82–84.
- ⁵⁶ Там же. Л. 104; Оп. 1927. Д. 27. Л. 18–19.
- ⁵⁷ Там же. Оп. 1928. Д. 2. Л. 50 об., 57 об.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 1929. Д. 15, 16, 17.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 1925. Д. 10. Л. 1–2; Д. 3. Л. 64.
- ⁶⁰ Там же. Д. 10. Л. 4; Д. 3. Л. 70.
- ⁶¹ Там же. Д. 10. Л. 16, 17, 20.
- ⁶² Там же. Оп. 1926. Д. 2. Л. 15 об.
- ⁶³ Там же. Д. 25. Л. 4.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 1928. Д. 5. Л. 6.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 1926. Д. 2. Л. 97; Д. 25. Л. 13, 14.
- ⁶⁶ Там же. Д. 2. Л. 43.
- ⁶⁷ Там же. Д. 25. Л. 15, 17, 19–19 об.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 1927. Д. 4. Л. 55, 70 об., 78; Д. 27. Л. 7, 8, 13.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 1928. Д. 2. Л. 7 об.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 1927. Д. 4. Л. 23 об., 29 об.; Д. 27. Л. 5.
- ⁷¹ Там же. Д. 4. Л. 25, 87.
- ⁷² Там же. Оп. 1928. Д. 5. Л. 36, 64.
- ⁷³ Там же. Оп. 1929. Д. 4. Л. 12.
- ⁷⁴ Об истории Музеев Московского Кремля в 1930-е гг. см.: *Павлович М.К.* О музеях Кремля в 1930-х годах // Владимир Николаевич Иванов. Страницы биографии. К 100-летию со дня рождения. 1905–2005. М., 2005. С. 20–22; *Она же.* О сносе Вознесенского и Чудова монастырей в Кремле // Там же. С. 22–25; *Она же.* Оружейная палата Московского Кремля в 1930-е годы // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 112–121; *Она же.* Из воспоминаний В.Н. Иванова: Об обстановке в стране и работе в Московском Кремле в 1930-х годах // Владимир Николаевич Иванов. Страницы биографии. С. 19–20. *Она же.* Хранитель фонда оружия Музеев Московского Кремля Н.В. Гордеев // Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2010. Ч. 2. С. 180–190; *Петухова А.В.* Музей в Кремле как государственное учреждение // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 14–28; *Тугова Т.А.* Торг уместен! (О защите трофеев Полтавской битвы от антикварных распродаж в 1934 г.) // Полтавская битва и ее международное значение. Тез. докл. М., 2009. С. 109–111; *Она же.* Троцкая против Сталина. Пять писем к Ленину об Оружейной палате // Материалы и исследования / Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. ист.-культур. музей-заповедник “Московский Кремль”»; 20. М., 2010. С. 298–322; *Тугова Т.А., Стерлигова И.А.* Марина Михайловна Постникова-Лосева и Оружейная палата Московского Кремля // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. М., 2008. С. 687–696.
- ⁷⁵ Подробнее см. *Тугова Т.А.* История поступления Соловецкого собрания в Оружейную палату. С. 40–41.
- ⁷⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1932. Д. 2. Л. 1–2.
- ⁷⁷ Там же. Д. 5. Л. 23.
- ⁷⁸ Там же. Л. 23 об.
- ⁷⁹ Подробнее о реорганизации экспозиции Оружейной палаты в 1930-е гг. см.: *Павлович М.К.* Оружейная палата Московского Кремля в 1930-е годы. С. 112–121.
- ⁸⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1930. Д. 13. Л. 1.
- ⁸¹ План реэкспозиции. — Там же. Л. 10–14 об. План реэкспозиции 1932 г. — Там же. Оп. 1932. Д. 17. Л. 58–66.

⁸² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1932. Д. 17. Л. 2–7. Далее цитируется этот документ.

⁸³ Там же. Л. 87–87 об.

⁸⁴ Там же. Оп. 1933. Д. 7. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Оп. 1935. Д. 4. Л. 9 об.

⁸⁶ Там же. Оп. 1936. Д. 1. Л. 19.

⁸⁷ Там же. Д. 3. Л. 11.

⁸⁸ Там же. Оп. 1934. Д. 3. Л. 3–6; Д. 9. Л. 2, 8 об., 11 об., 16; Оп. 1935. Д. 4. Л. 7–7 об.; Оп. 1936. Д. 3. Л. 3–4.

⁸⁹ Там же. Оп. 1945. Д. 6. Л. 8.

⁹⁰ Там же. Оп. 1940. Д. 1. Л. 1.

⁹¹ Подробнее о Н.Н. Захарове см.: *Смирнова Е.И.* Оружейная палата в 1941–1945 годах // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля. С. 122–129; *Павлович М.К.* Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов (к истории экспозиции) // Там же. С. 130–142.

⁹² ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1931. Д. 4. Л. 1.

⁹³ Список некоторых экспонатов, представленных на этой выставке в Оружейной палате в ноябре 1930 г., см.: ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1930. Д. 20. Л. 64. Часть из них может быть идентифицирована: стремена – инв. № К–1106/1–2 (Россия, XVII в.); К–760/1–2 (Турция, XVII в.); К–461/1–2 (Россия, XVII в.); К–740/1–2 (Германия, середина XVII в.); К–110/1–2 (Россия, XVII в.); К–1104/1–2 (Германия, XVII в.); К–408/1–2 (Турция, XVII в.); седла – К–731 (Турция, XVII в.); К–56/1 (Польша, середина XVII в.); покровцы ТК–2393; чепрак – ТК–622 (Германия, XVII в.).

⁹⁴ Там же. Оп. 1931. Д. 6. Л. 4 об.; Оп. 1930. Д. 52. Л. 10, 11, 16. Выставка «Реставрация живописи» планировалась в Благовещенском соборе, но, возможно, не была доведена до конца «в связи с отсутствием реставратора».

⁹⁵ Там же. Оп. 1930. Д. 6. Л. 8.

⁹⁶ Там же. Д. 6. Л. 4 об.

⁹⁷ Там же. Оп. 1931. Д. 6. Л. 3.

⁹⁸ Там же. Оп. 1930. Д. 4. Л. 16 об.

⁹⁹ Там же. Д. 20. Л. 60; Д. 6. Л. 4 об., 13; Д. 52. Л. 17.

¹⁰⁰ Там же. Оп. 1931. Д. 6. Л. 3, 21.

¹⁰¹ Там же. Оп. 1933. Д. 14. Л. 8–12, 18.

¹⁰² Там же. Д. 4. Л. 35; Оп. 1934. Д. 3. Л. 6.

¹⁰³ Там же. Оп. 1930. Д. 6. Л. 3 об.; Д. 20. Л. 27, 40.

¹⁰⁴ Там же. Д. 52. Л. 12–13.

¹⁰⁵ Там же. Л. 19 об.

¹⁰⁶ Там же. Д. 20. Л. 53; Д. 6. Л. 4 об.; перечень некоторых экспонатов см.: Там же. Д. 20. Л. 53–54. Часть экспонатов может быть идентифицирована: летний и зимний потешные возки – инв. № К–1, К–2; детские седла – К–120, К–739, К–471, К–450, плетка («хлыстик») – К–642; покровец – ТК–1377; детские стремена – К–110/1–2; удила с тесьмой детские – К–322/1–2.

¹⁰⁷ Там же. Д. 6. Л. 4 об.

¹⁰⁸ Там же. Оп. 1932. Д. 18. Л. 6.

¹⁰⁹ Там же. Оп. 1930. Д. 4. Л. 11; Д. 5. Л. 2; Д. 6. Л. 13 об.

¹¹⁰ Там же. Оп. 1931. Д. 6. Л. 3, 18.

¹¹¹ Там же. Л. 19 об.

¹¹² Там же. Д. 4. Л. 16.

¹¹³ Там же. Оп. 1932. Д. 5. Л. 26; Д. 24. Л. 5 об.

¹¹⁴ Там же. Д. 24. Л. 5.

¹¹⁵ Там же. Л. 5 об.; Д. 17. Л. 83.

¹¹⁶ Там же. Оп. 1934. Д. 16. Л. 5.

¹¹⁷ Там же. Оп. 1935. Д. 10. Л. 9–10.

¹¹⁸ Там же. Оп. 1938. Д. 4. Л. 6, 7.

¹¹⁹ Там же. Оп. 1956. Д. 7. Л. 91.